

УДК 340

DOI: 10.7868/S2713039826010179

Обзор

**Юридически значимые символы:
содержание, виды, результативность функционирования**

**Обзор XXVII Международного междисциплинарного
научно-практического форума «Юртехнетика»
на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)»**

© 2026 В. М. Баранов^{1,*}, Н. В. Кроткова², М. В. Баранова³

¹Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Российская Федерация

²Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

³Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация

*e-mail: baranov_prof@bk.ru

Аннотация. XXVII Международный научно-практический форум «Юртехнетика» привлек внимание юридической общественности к сущности и разноплановым формам символизации в праве, роли символического знания и его влияния на правовую практику. Участники форума обратились к междисциплинарным аспектам символов в праве, их видам, достоинствам и дефектам, визуализации, дизайну. Зафиксирована ценность юридически значимых символов в образовательной сфере, патриотическом воспитании граждан. Исследованы правовые феномены, выступающие символом национальной идентичности, средством легитимации государственной власти.

Ключевые слова: правовой символ, юридически значимый символ, методология правового символизма, междисциплинарность правовой символики, познавательная функция юридически значимых символов, конституционная символика, символическое выражение правовых ценностей, графические символы, символы правосудия, символы в спорте, правовая оценка символики террористических и экстремистских организаций, символы правозащитной деятельности Российской Федерации, символы уголовно-процессуального права, взаимодействие церковной символики и юридических символов, толкование правовых символов, право как символ национальной идентичности, символы и ритуалы

Ссылка для цитирования: Баранов В.М., Кроткова Н.В., Баранова М.В. Юридически значимые символы: содержание, виды, результативность функционирования. Обзор XXVII Международного междисциплинарного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)». *Государство и право / State and Law*. 2026. № 1. С. 222–242. <https://www.doi.org/10.7868/S2713039826010179>

Legally Significant Symbols: Content, Types, Effectiveness of Functioning

Review of the XXVII International Interdisciplinary Scientific and Practical Forum “Yurtechnetics” on the Topic “Symbols in Law (Doctrine, Practice, Technology)”

© 2026 V. M. Baranov^{1,*}, N. V. Krotkova², M. V. Baranova³

¹*Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation*

²*Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation*

³*National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation*

*e-mail: baranov_prof@bk.ru

Abstract. The XXVII International Scientific and Practical Forum “Yurtechnetics” drew attention of the legal community to the essence and diverse forms of symbolization in law, the role of symbolic knowledge and its impact on legal practice. The forum participants addressed the interdisciplinary aspects of symbols in law, their types, advantages and defects, visualization, and design. The value of legally significant symbols in the field of education and patriotic education of citizens is fixed. The legal phenomena acting as a symbol of national identity and a means of legitimizing state power are investigated.

Keywords: legal symbol, legally significant symbol, methodology of legal symbolism, interdisciplinarity of legal symbols, cognitive function of legally significant symbols, constitutional symbols, symbolic expression of legal values, graphic symbols, symbols of justice, symbols in sports, legal assessment of symbols of terrorist and extremist organizations, symbols of human rights activities of the Russian Federation, symbols of Criminal Procedure Law, interaction of church symbols and legal symbols, interpretation of legal symbols, law as a symbol of national identity, symbols and rituals

For citation: Baranov V.M., Krotkova N.V., Baranova M.V. Legally Significant Symbols: Content, Types, Effectiveness of Functioning

Review of the XXVII International Interdisciplinary Scientific and Practical Forum “Yurtechnetics” on the Topic “Symbols in Law (Doctrine, Practice, Technology)”. *Gosudarstvo i pravo / State and Law*. 2026;(1): 222–242. (In Russ.) <https://www.doi.org/10.7868/S2713039826010179>

24–27 сентября 2025 г. в Нижнем Новгороде прошел XXVII Международный междисциплинарный научно-практический форум «Юртехнетика» на тему «Символы в праве (доктрина, практика, техника)» (далее – Форум). Форум был посвящен 80-летию проф. В.М. Баранова.

Учредителями мероприятия выступили Нижегородская академия МВД России, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (далее – Университет Лобачевского) и Нижегородский исследовательский научно-прикладной центр «Юридическая техника».

Междисциплинарность подхода к теме мероприятия привлекла помимо юристов представителей неюридических отраслей знаний, в том числе философов, экономистов, историков, медиков,

педагогов, психологов, культурологов, социологов, политиков, филологов, техников.

Форум вызвал интерес не только российских¹, но и зарубежных специалистов из Армении, Беларуси, Таджикистана, Узбекистана, Монголии, США, Центральноафриканской Республики.

С приветственными словами к участникам Форума обратились: **С.В. Кабышев** – Председатель

¹ Российская «география» Форума представлена 46 научными центрами. Астрахань, Барнаул, Белгород, Владимир, Волгоград, Вологда, Воронеж, Екатеринбург, Иваново, Ижевск, Иркутск, Кабардино-Балкарская Республика, Казань, Калининград, Карачаево-Черкесская Республика, Кемерово, Кострома, Краснодар, Красноярск, Курск, Махачкала, Москва, Нижний Новгород, Новосибирск, Одинцово, Омск, Орел, Пенза, Пермь, Республика Дагестан, Республика Хакасия, Ростов-на-Дону, Рязань, Санкт-Петербург, Саратов, Севастополь, Смоленск, Ставрополь, Тамбов, Тверь, Тула, Тюмень, Ульяновск, Уфа, Хабаровск, Ярославль.

Комитета Государственной Думы по науке и высшему образованию РФ; **Т.Н. Москалькова** – Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации; **Г.В. Вилинбахов** – Председатель Геральдического совета при Президенте РФ – государственный герольдмейстер, заместитель генерального директора Государственного Эрмитажа по научной работе; **Е.Б. Люлин** – председатель Законодательного собрания Нижегородской области; **К.А. Плясов** – начальник Нижегородской академии МВД России, д-р юрид. наук, акад. РАЮН, генерал-майор полиции; **О.В. Трофимов** – ректор Университета Лобачевского, д-р экон. наук, проф.

Пленарное заседание конференции традиционно открыл основатель форума «Юртехнетика» **В.М. Баранов**, д-р юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист Нижегородской области, почетный работник высшего профессионального образования РФ, помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности, президент Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника».

Во вступительном слове он презентовал Гимн «Юртехнетики» (слова проф. В.И. Крусса, музыка А.Н. Бардова), который впервые прозвучал для участников Форума в исполнении профессионального квартета.

Форуму 27 лет, и его главная неизменная идея – в одном пространстве собрать специалистов разных юридических специальностей не только для официально-публичного, но и неформального («клубного») обсуждения конкретных технико-юридических проблем. Касаясь содержательной части Форума, проф. В.М. Баранов коснулся нескольких сюжетов.

Корпус символов настолько огромен, разнопланов, динамичен, противоречив, художественно многолик, что приходится сделать «нигилистический» вывод: не было, нет и не будет правового символа. Юридический символ – искусственно созданная теоретическая излишне абстрактная теоретическая конструкция, которая не имеет аналога в политико-правовой действительности. Только правовым, сугубо юридическим, стерильно законодательным ни один символ быть не может.

По предположению проф. В.М. Баранова, юридически значимые символы выражают комплекс разноплановых ценностей, и далеко не всегда из них можно «вычлениить» правовые ценности.

Юридической науке и практике необходимо системно заняться выявлением юридически значимых символов, обладающих транскультурным

статусом (т.е. способных находить вариации в различных культурных формациях).

Целесообразно образовать особую группу под условным названием «Нетипичные юридически значимые символы», в которую отнести все явно «выбывающиеся» из имеющихся типовых классификаций.

Символизм искусства и его воздействие на юридически значимую символику – тема, которая ждет своего исследователя-правоведа.

Профессор В.М. Баранов предложил обсудить два проблемных вопроса: нужно ли при теоретическом анализе и в учебно-воспитательном процессе демонстрировать символы террористических и экстремистских организаций? не явится ли обращение к ним невольной популяризацией их идей, не повлияют ли они негативно на неустойчивую психику отдельных лиц?

С целью выявления достижений и просчетов технико-юридического обеспечения символов он подверг детальному анализу Указ Президента США от 25 августа 2025 г. «Преследование за поджог американского флага».

Далее проф. В.М. Баранов объявил тему XXVIII форума «Юртехнетика»: «Техника толкования права: методология и практика взаимодействия с законотворчеством», предложил тематическую библиографию, составляющую **1478** найденных источников, включая **76** на иностранных языках, призванную облегчить поиск своей «ниши» в анализе озвученной темы. Проинформировал, что также состоится конкурс эссе «Личный опыт толкования юридической нормы»².

Руководитель рабочего аппарата Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации И.В. Чечельницкий вручил проф. В.М. Баранову почетный знак «За заслуги в защите прав человека».

Серию докладов пленарного заседания открыл **А.И. Овчинников**, зав. кафедрой теории и истории государства и права ЮФУ, д-р юрид. наук, проф., иерей, проректор по научной работе Донской духовной семинарии (г. Ростов-на-Дону). Он обозначил глубинные связи между религиозной и правовой сферами, которые проявляются через их символические системы. Докладчик проанализировал

² В рамках пленарного заседания состоялась интеллектуально-развлекательная битва «Государственный герб: наука, искусство, достоинство, суверенитет». Кроме того, было презентовано 10 новых изданий по проблемам юридической техники. Подведены итоги конкурса эссе «Юрист как animal symbolicum»: личный опыт обращения к символическим феноменам в научной, преподавательской, практической работе, семейной жизни», размышления победителей будут опубликованы в номере 20 ежегодника «Юридическая техника».

понятие символа с семиотической, философской и теологической точек зрения, показав, как правовые символы (от государственного герба до судейской мантии) выполняют функции легитимации власти, коммуникации и консолидации общества, сходные с функциями церковных символов. Недопустимо отождествление правовых символов и знаков, что часто происходит при позитивистском понимании первых.

Особое внимание было уделено историческому единству права и религии в европейской традиции, а также влиянию христианской антропологии на формирование ключевых правовых концепций, таких как достоинство личности, равенство перед законом и права человека. Указал выступающий и на влияние правовых символов на богословие христианской церкви: символы суда, правосудия и воздаяния также были использованы в догмате искупления богословами.

Докладчик сделал вывод о том, что и церковный, и правовой символ указывают на реальность, расположенную вне их самих — будь то Бог или справедливость. Их многовековое взаимодействие заложило моральный фундамент современной правовой системы, главным символом которой стало неотъемлемое достоинство человеческой личности. И религия, и право — символические системы, позволяющие преодолевать хаос. Общее состоит и в том, что правовой и религиозный символы, как было отмечено выше, указывают на реальность, которая «находится вне их самих», отличительное — религиозный символ «соучаствует» в этой реальности, а правовой символ — нет.

И. В. Мальцев, канд. юрид. наук (г. Новосибирск), в пленарном докладе проанализировал многомерность и мультинаучный характер понятия «символ», отметив полисемантику термина уже в этимологическом аспекте³. Находясь в фокусе научных разработок различных отраслей знания, где, по словам Ю. М. Лотмана, «каждая система знает, что такое “ее символ”», разработка данной проблематики не отличается однородностью, в том числе в исследованиях правоведов. Сложность вопроса связана также и с невозможностью автономного рассмотрения понятия «символ» без обращения к смежным категориям, прежде всего понятиям «знак», «эмблема», «образ» и др. В целях уточнения методологических критериев, позволяющих разграничить нетождественные подходы к исследованию символических феноменов в праве, предложено обратиться к совокупности антитез, определяющих вектор того или иного учения: «прошлое — настоящее/будущее»,

³ Например, Большой словарь греческого языка Г. Дж. Лиддела и Р. Скотта содержит шесть его значений.

«вербальное — невербальное», «однозначность — многозначность», «целевые установки — универсальность», «доктрина — практика». Докладчиком также сделан акцент на необходимости решения актуальных вопросов по совершенствованию действующего законодательства о символах и усилению контроля за его реализацией⁴.

А. С. Гамбарян, д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист Республики Армения (г. Ереван), заявил неординарный тезис: *закрытый перечень — это символ запрета*. Использование законодателем закрытого (исчерпывающего) перечня символически означает запрет на юридические операции с чем-либо, не входящим в этот список. Прямого запрета нет, но он следует из правила толкования: «включение одного означает исключение другого» (*expressio unius est exclusio alterius*).

Презумпция сознательного молчания. Главный вывод: сам факт «закрытости» перечня создает презумпцию того, что законодатель намеренно и сознательно не включил иные элементы. Это не упущение, а квалифицированное молчание.

Когда перечень можно «открыть»? Эта презумпция не абсолютна. Суд может дополнить закрытый перечень в двух случаях:

если доказана ошибка (упущение): например, когда элемент, который объективно должен быть в списке, не существовал на момент принятия закона и появился позже;

при гипернесправедливости: если применение закрытого перечня приводит к вопиюще несправедливому или абсурдному результату.

Как «открыть»? Разные инструменты для разных причин.

Если пробел — это ошибка (опровергнута презумпция сознательного молчания), суд применяет аналогию закона или права (*extra legem*), развывая право за пределами закона.

Если пробел — это сознательное молчание (презумпция сознательного молчания действует), но оно ведет к несправедливости, суд должен действовать *contra legem* (вопреки букве закона), прямо противопоставляя свою волю предполагаемой воле законодателя, чтобы исправить гипернесправедливость.

⁴ В частности, внесено предложение о дополнении ст. 7 Федерального конституционного закона от 25.12.2000 № 2-ФКЗ «О Государственном гербе Российской Федерации» положением о том, что Государственный герб может размещаться на официальных государственных сайтах в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, в интерфейсах государственных информационных систем, программ для электронных вычислительных машин и мобильных приложений.

С.В. Кодан, д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ (г. Екатеринбург), обратился к проблематике изучения символизма и символики в контексте междисциплинарного пересечения областей научного знания и акцентировал внимание на многоаспектности данного явления, требующего обращения к накопленным знаниям в социогуманитаристике – в философии, истории, искусстве, культурологии, литературоведении и др. Без междисциплинарного подхода невозможно понять и формирование, и развитие символизма и символики в юриспруденции, в которой эти явления получают не только теоретический и исторический анализ, но и как искусственные знаки включаются в политико-юридические и нормативно-регулятивные процессы, становятся неотделимыми элементами государственности и правового развития. Обращается внимание на необходимость междисциплинарного сотрудничества юриспруденции с такими областями знания, как семиотика, религиоведение, геральдика, вексиллология, фалеристика и др.

А.В. Петрянин, д-р юрид. наук, проф. (г. Нижний Новгород), отметил, что символика весьма широко используется в криминальной деятельности. Особо активно сегодня она проявляется при совершении преступлений экстремистской направленности, прямо посягающих на права человека, противодействием чему уделяется особое внимание на разных научных площадках.

25 июля 2025 г. исполнилось 23 года с момента принятия Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», и сегодня можно подвести промежуточные итоги его действия. Во-первых, его разработка и принятие – это важнейшее серьезное политико-стратегическое достижение государства в борьбе с экстремизмом и обеспечении национальной безопасности Российской Федерации. Во-вторых, в этом акте заложена очень мощная репродуктивная функция, способствующая оперативной выработке симметричных механизмов противодействия постоянно мутирующему экстремизму.

Государственно-властной реакцией на распространение экстремистской символики стала криминализация ее публичной демонстрации в рамках ст. 282⁴ УК РФ. Вышеизложенное обосновывает потребность в принятии и дальнейших политико-правовых решений в данной области. В частности, требуется дополнение ст. 282⁴ УК РФ применением с закреплением в нем понятия «пропаганда». Такая юридико-техническая реакция позволит не только исключить имеющийся пробел, но и продемонстрировать единый курс уголовной политики в области противодействия преступной пропагандистской деятельности. Необходима также

разработка унифицированного понятия публичности, используемого в Уголовном кодексе РФ. Кроме этого также нужно ведение реестра запрещенной символики экстремистских организаций и, конечно же, следует включить в ст. 282⁴ УК РФ отягчающий признак – совершение преступления с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет.

В.М. Баранов, д-р юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ (г. Нижний Новгород), предпринял попытку обосновать существование у юридически значимых символов относительно самостоятельной познавательной функции. Ее логико-гносеологическую основу составляет единое символическое знание, выступающее результатом творческого трансдисциплинарного познания. Знания в содержании и форме юридически значимых символов отличаются кристаллизацией, «сжатием», кодированностью, многозначностью смыслов, прозрачностью, но не призрачностью. Юридически значимые символы – не только «хранилище» разноплановых достоверных знаний, но и способ его получения. Юридически значимые символы как обобщающие образы могут и должны содержать в себе генезис знания об отображаемых фрагментах символизации и перспективах его развития. Сфера символических знаний «пронизывает» в большей или меньшей степени все известные типы и виды гуманитарных и естественно-технических наук и одновременно «подпитывается» ими. Символическое знание в многополярном мире – объект ожесточенной не только идеологической, морально-психологической, но и экономической борьбы. Докладчик предложил основные элементы механизма обеспечения реализации познавательной функции юридически значимых символов. Познавательная функция юридически значимых символов – проявление и реализация символического метода в правоведении. Задача юридической науки и практики добиться, чтобы система знаний о юридически значимых символах и знания, отображаемые ими, заняли достойное место в формирующейся междисциплинарной науке символогии.

Участники круглых столов и дискуссионных площадок охватили проблемы почти всех научных специальностей юриспруденции.

К теоретико-методологическим аспектам символов в праве обратился **В.Б. Исаков, д-р юрид. наук, проф. (г. Москва)**, поделившийся мыслями об использовании частотного метода применительно к словам, символам и знакам в праве и в юридической науке. Он подчеркнул, что речь идет о статистике использования тех или иных слов в массивах документов, законодательных текстов, сделок,

поисковых запросов. Основная сфера применения частотного анализа — бизнес, анализ спроса и предложения. Раньше это был адский труд, требовавший невероятного внимания и терпения. Сегодня использование компьютеров и электронных текстов значительно упростило применение частотных методов анализа. В каких случаях они могут пригодиться в праве? Например, когда субъективным оценочным суждениям нужно противопоставить точные фактические данные. Так, в одной из работ отечественного автора утверждалось, что категория «механизм правового регулирования» оказалась чуждой в юриспруденции и в настоящее время вышла из употребления. Частотное исследование употребления понятия «механизм правового регулирования», проведенное по базе данных защищенных кандидатских и докторских диссертаций, показало, что это не так. С 1966 г., когда вышла в свет монография С.С. Алексеева «Механизм правового регулирования в социалистическом государстве», использование категории «механизм правового регулирования» постоянно росло. В 1990-е годы оно действительно несколько снизилось, но после этого вышло на относительно устойчивое «плато», которое свидетельствует о стабильном использовании этой категории в современной юридической науке.

Креативностью к пониманию и проявлению воле символов в праве отличился подход **Р.А. Ромашова, д-ра юрид. наук, проф. (г. Санкт-Петербург)**, акцентировавшего внимание на восприятии государственно-правовой системы в качестве комплекса внешних атрибутов — символов, которые наделяются как собственно рациональной (прагматической), так и сакральной функциональностью. В ходе российского политико- и правогенеза складывается дихотомия базовых символов, определяющих суть государственного и правового устройства на различных исторических этапах. В качестве таких символов выступают крест и звезда. Крест символизирует русскую православную культуру, носителем которой является русский православный император, владеющий русской землей и русским народом и выступающий в качестве единого «МЫ». Символ красной звезды определяет суть Советского государства как общемирового феномена, носителя коммунистической идеологии, принимаемой «прогрессивным человечеством» пяти земных континентов. В современной России наблюдается смысловое соединение с одновременным противопоставлением «креста и звезды». Конституция РФ закрепляет правопреемство и правопродолжение Россией культуры СССР, символом которой являлась красная звезда. Однако политико-правовая реальность наглядно свидетельствует о вытеснении «культуры звезды» «культурой креста», что получает свое практическое выражение как

в государственной символике, так и в системе государственных наград и праздников.

В.Ю. Туранин, д-р юрид. наук, проф. (г. Белгород), отметил важность разграничения содержания понятий «правовые символы», «символы в праве», а также «неправовые символы». По мнению докладчика, правовые символы — это особые, нормативно закрепленные знаки, которые выражают юридически значимую информацию, иллюстрируют особенности правовой культуры общества, являются источниками знаний о состоянии и развитии правовой системы.

В.И. Червонюк, д-р юрид. наук, проф. (г. Москва), обратил внимание на две проблемы, которые вследствие традиционно применяемой в общей и отраслевой юриспруденции методологии исследования феномена символов в праве остаются вне научного анализа. Это, *во-первых*, исследование проблемы в контексте постулируемых социальной философией выводов о разрушении в XXI в. традиционных символических систем, десакрализации символа, отчуждении в его содержании единства образа и смысла, превращении в конечном счете в искусственно созданную гиперреальность. Применительно к сфере действия права это означает, что объективные основания, закономерный характер и очевидные преимущества символизации (не симуляции символического) в правовом регулировании (устраняет его избыточность, придает высокую точность регуляторам) не исключают (буквально: имплицитно предполагают) ее (символизации) пределы, обусловленные ценностным содержанием и антропоцентричностью права. Этим обстоятельством обусловлена значимость символизации в праве, включая цифровые регуляторы, и одновременно необходимость проявления сдержанности к ней. *Во-вторых*, осмысление правовых символов в качестве особенного типа в единой структуре правовых регуляторов, имея в виду наличие в сфере действия права двух классов неоднородных символов: а) юридически значимых, или позитивированных правом (герб, гимн, флаг и др.); б) собственно правовых символов, или правовых регуляторов (знак копирайта, торговая марка, дорожные знаки и др.). Презюмируется, что если такие типы правовых регуляторов, как (1) конкретно-правовые (нормы права, или юридические правила) и (2) общие (исходные), стандарты, цели, конструкции), занимают высший класс регуляторов, то правовые символы, как и, видимо, цифровые регуляторы, могут быть отнесены к классу специальных регуляторов. В указанном смысле квалификация права знаково-символической системой регуляции приобретает действительное значение.

И.В. Понкин, д-р юрид. наук, проф. (г. Москва), посвятил выступление понятию, значению и особенностям применения правовой символики в контексте разрабатываемой им теории и методологии научных исследований и прикладной аналитики. Докладчик представил основы своей теории правовой символики, подробно изложив особенности природы, онтологии и функционально-целевое назначение правовых символов.

В.В. Оксамытный, д-р юрид. наук, проф. (г. Москва), акцентировал внимание на проблеме правовых пределов визуализации образов государственной власти в официальной символике. Отмечая многозначность и разновеликость понятия «правовой символ», а также роль символизма как источника смысловых образов права, докладчик обращается к технико-юридическим критериям качества и значимости символов государственной власти, их законодательному закреплению. На практике правовое регулирование символической атрибутики государственных органов встречается с целым рядом помех, вызываемых неоднозначностью трактовок ее применения (символы государства и государственной власти; общегосударственная и государственная символика, официальные и национальные символы). Как правило, в их рассмотрении участвуют региональные органы власти, принимая отдельные специальные нормативные акты субъектов Российской Федерации о государственной (официальной) и иной символике. Очевидна необходимость стандартизации правовых символов государственной власти на федеральном уровне, касающейся критериев, видов, взаимосвязи и иных аспектов визуализации ее образов.

И.В. Минникес, д-р юрид. наук, проф. (г. Иркутск), обозначила две проблемы законодательства о гербе, флаге и гимне в субъектах Российской Федерации. Во-первых, это обозначение герба, флага и гимна как «государственных символов». Поскольку с точки зрения теоретико-правовой науки субъекты Российской Федерации не являются в полном смысле государствами, называть герб, флаг и гимн субъекта «государственными символами» не совсем корректно. Более правильным было бы именовать их «символами государственности». Во-вторых, законы о символах нередко придают гербу, флагу и гимну разный статус. Примером могут служить законы Красноярского края о гербе и флаге, где флаг обозначен как «государственный символ», а герб — как «символ края». В строгом соответствии с законом герб и флаг имеют разную правовую природу и разный статус, тогда как в реальности это явления однопорядковые. Поскольку этот пример далеко не единственный, проблема статуса символов нуждается в разрешении.

Д.А. Пашенцев, д-р юрид. наук, проф. (г. Москва), указал на то, что символы играют важную роль на первом этапе конструирования новой правовой реальности — этапе создания знаковой формы. При этом Д.А. Пашенцев подчеркнул отличия символа от знака. Знак в отличие от символа может не нести в себе отражения какой-либо вещи. Символ — больше чем знак, он активен, а в праве порождает определенную юридическую реальность. Символ, как и знак, консенсуален, но при этом он еще и связан с легитимацией. Символ может быть не только знаком, но и действием, примером служит манципация в римском праве. Понять роль символов в праве можно только на основе широкого междисциплинарного синтеза, с учетом разработок символизма как важного направления в культуре.

К.Р. Мурсалимов, канд. юрид. наук, доц. (г. Москва), обратил внимание на специфику понимания правового символа как создаваемого или санкционируемого государством явления, проистекающего из нормативистской концепции права. Вместе с тем смысловое значение правового символа возможно рассматривать «глубже», выявляя существенные основания права. Необходимо отметить историческую обусловленность символа, формирование его как правового явления в рамках конкретного общества происходит объективно на основе поступательного развития общественных отношений. В этой связи существование правового символа с точки зрения сущностных начал права возможно рассматривать вне зависимости от его формального установления государством.

В.А. Толстик, д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ (г. Нижний Новгород), предпринял попытку внести доктринальную определенность в решение проблемы адекватного понимания соотношения символа и знака применительно к сферам юридической науки и практики. Сложность дифференциации основана на многозначности как самих понятий «символ» и «знак», так и тех понятий, посредством которых они определяются; спецификой представлений о рассматриваемых понятиях в различных отраслях научного знания; необоснованным перенесением интерпретаций, принятых в одних сферах, на другие; смешением значений, принятых в границах различных научных парадигм; естественным стремлением отдельных ученых использовать для наименования существенно различающихся явлений различные слова.

Е.В. Перепелица, канд. юрид. наук, доц. (Республика Беларусь, г. Минск), в своем выступлении указала на то, что проблематика правовых символов актуальна для Национального центра законодательства и правовой информации Республики Беларусь, который она представляет, поскольку при

Центре на постоянной основе действует Геральдический совет при Президенте Республики Беларусь. Доверие между государством и обществом значимо в любой исторической данности. Время «пересборки социального», в котором нам выпало жить, делает вопрос о публично-правовом доверии стратегически острым. Доверие выполняет охранительную функцию. Среди символических его смыслов – сокрушенность преград между людьми, взаимное признание. При этом доверие не подпадает под исчерпывающие научные определения в силу своей метафизической сущности. В правовом смысле доверие общества к государству – величина, сопоставимая с легитимностью. В Конституции РБ взаимное доверие раскрывается через категорию гражданского согласия. Из конституционного права доверие прорастает в отраслевое право и обеспечивается стабильностью правового регулирования общественных отношений.

Е. С. Зайцева, д-р юрид. наук, доц. (г. Санкт-Петербург), указала на междисциплинарный характер правовых символов, предположив, что основой для их анализа должны служить концепты, выработанные философией и семиотикой. Важной характеристикой символа, которая прослеживается в философии и семиотике, но практически не учитывается в юриспруденции, является наличие в символе свернутого смыслового содержания, предполагающего его дальнейшее развертывание. Сущность правового символа, как и любого иного, определяется синтезом формы (образа) и внутреннего смысла, подразумевающего определенное ценностное содержание. Но здесь важно, что форма (образ) и внутреннее содержание не совпадают, содержание всегда будет выходить за пределы формы (образа). В силу этого, во-первых, правовой символ, как и любой иной, может быть понятен только определенному кругу субъектов, причастному к транслируемым ценностям, во-вторых, символ всегда предполагает возможность различной интерпретации смыслового ценностного содержания.

А. В. Нестеров, д-р юрид. наук, проф. (г. Москва), на основе авторской оригинальной теории «знак-продуктов» аргументировал определение категории символа в виде знака с переносным семиотическим содержанием. Была предложена дефиниция понятия «символ-продукт» с учетом критериев категоризации, терминологизации и/или тезаурусизации для инфо-онтологии предметной области юридической деятельности. Отмечено, что нормативно-правовые предписания должны быть точными, своевременными и качественными, а также полными, где качество подразумевает, что символическое содержимое знак-продукта должно состоять из содержательного (информативного) семиотического содержания (связанного синтаксического значения, ясной семантической

значимости и/или прагматического смысла), определенных форм и/или идей. Предметное содержание таких символ-продуктов должно не только декларировать и/или инструктировать, но и воодушевлять людей, которые добровольно считают себя принадлежащими определенной цивилизации, многонациональной культуре и/или национальным традициям.

В. В. Кожевников, д-р юрид. наук, проф. (г. Омск), обратился к осмыслению символов через призму семиотики права, акцентируя внимание на том, что семиотика права как метод имеет перспективы при исследовании права, иных правовых явлений, обусловленных цифровизацией права. Подчеркнув, что советские ученые-теоретики не проявляли интереса к семиотике права, В. В. Кожевников заметил, что в настоящее время наблюдается тенденция актуализации последней при проведении исследований права. При этом прямое внедрение в право идей общей семиотики без учета определенной специфики правовой реальности вряд ли принесет пользу для обновленного понимания смысла права в цифровой среде. Это относится к таким основополагающим для правовой семиотики концептам, как типы знаковых систем, горизонтальная и вертикальная знаковая структура права, связи между базовыми и производными юридическими знаками.

К. Б. Лазорин, член правления Федеральной нотариальной палаты (г. Нижний Новгород), проанализировал актуальные нормативные правовые акты, носящие нетипичный характер с позиции использования символов, сделав особый акцент на перспективах использования цифровых символов как элементов нетипичного правотворчества.

В. Н. Галузо, канд. юрид. наук (г. Москва), отметил, что во всяком правовом государстве, в том числе и в Российской Федерации, что предусмотрено в ч. 1 ст. 1 Конституции РФ, исключительным регулятором общественных отношений должно признаваться право. Право как регулятор общественных отношений опосредуется системой нормативных правовых актов с разной юридической силой. Нормативные правовые акты применяются по правилам комплексного праворегулирования (конкуренция, коллизия). В основе правил комплексного праворегулирования находится юридическая сила нормативного правового акта. Символы (в частности, аббревиатуры, нумерация статей и др.) используются в нормативных правовых актах. В основе использования символов находятся устоявшиеся положения иных наук (математика, филология). Ошибочность символов приводит не только к снижению роли права в регулировании общественных отношений, но даже к подмене

права иными регуляторами (в частности, политика, религия, традиция).

А.В. Парфенов, канд. юрид. наук, доц. (г. Нижний Новгород), указал, что правовые символы позволяют существенно сократить и упростить процесс получения субъектами правовой информации, способствуют снижению уровня ошибок в ходе ее уяснения и разъяснения, обеспечивают оптимизацию массива действующего законодательства. Однако обращение к последнему и материалам юридической практики позволяет констатировать наличие у некоторых из них очевидных дефектов технико-юридического характера: нарушение баланса ценностей, отраженных в правовом символе; поливариантность смыслового значения правовых символов (их отдельных элементов); наличие в правовом символе набора противоречащих друг другу знаков.

Продолжая обсуждение содержания и функций религиозно-правовой символики, начатое в рамках пленарного заседания, **А.П. Семитко, д-р юрид. наук, проф. (г. Екатеринбург)**, предложил свое видение женского тела как символа цивилизационного противостояния западной и исламской правовых культур, обратившись к примеру Франции.

Исламская культура, как и любая религиозная культура, наполнена множеством самых различных символов, прекрасно «понимает» их значение для других цивилизаций и культур. Это понимание характерно как для высоких образцов исламской культуры, так и для экстремистских, фундаменталистских ее «вкраплений» и субъектов. Например, в качестве символов цивилизационного противостояния (о котором предупреждал С. Хантингтон) исламского фундаментализма и западной культуры 11 сентября 2001 г. террористами были избраны такие объекты могущества западного мира, как башни Всемирного торгового центра в Нью-Йорке (символ экономического мирового господства), здание Пентагона (военная мощь США). Во Франции помимо известных трагических терактов против таких ее символов, как свобода слова (редакция газеты Шарли Эбдо), гедонизм (расстрел террористами посетителей кафе и ресторанов), будущее страны (теракт в Батаклане против молодежи — зрителей концерта рок-группы), в качестве повседневно символа противостояния избрано женское тело. Французская культура помимо массы других характеристик отличается особо позитивным отношением к женщине, особой романтичностью. Поэтому, когда представители фундаменталистского направления ислама демонстрируют дискриминационное отношение к женщинам, заставляя их носить паранджу, бурку, чачван, буркини, либо подают иски в суд о признании брака недействительным на основании того, что невеста — не девственница, то представители французской правовой культуры

реагируют на это весьма болезненно, принимая соответствующие запретительные законодательные акты либо требуя отмены соответствующих судебных решений. Это цивилизационное противостояние двух очень различных правовых культур идет с переменным успехом, поскольку представители исламской правовой культуры ссылаются на западные же юридические аргументы, утверждая, что это — не дискриминация, а свободное самовыражение женской части мусульманского населения.

О.В. Парилов, д-р юрид. наук, проф. (г. Нижний Новгород), осветил проблему необходимости защиты символа как традиционной духовно-нравственной ценности, отметив актуальность принятого в 2025 г. Закона о защите религиозных символов традиционных вероисповеданий, ставшего ответом на порочную практику «затирания» религиозной символики при изображении культовых объектов.

В мире сакрацентричной традиции символ не только транслирует смыслы, но и обладает преобразующей силой, способен влиять на внутреннюю природу человека, он может быть дороже жизни. Новый Закон системно связан с базовыми актуальными юридическими документами, отражающими геополитические, идеологические тренды последних лет (Конституция РФ, Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»⁵), а значит, де-юре церковь отделена от государства, де-факто никакого отделения нет.

О.Н. Хужина, канд. юрид. наук (г. Нижний Новгород), указала, что трансформация символов есть закономерный процесс, вместе с тем правовая охрана символов, отражающих традиционные духовно-нравственные ценности, необходима с целью сохранения и укрепления последних, противостояния размыванию их содержания, что может быть мощным фундаментом российской государственности и национальной идентичности.

А.П. Мазуренко, д-р юрид. наук, доц. (г. Пятигорск), затронул проблему соотношения символов в праве и традиционных российских духовно-нравственных ценностей, обратив внимание на базовую необходимость дифференциации понятий «символ в праве» и «правовой символ». Символ в праве представляет собой некий образ, условный знак, выражающий какой-либо конкретный феномен права, с которым оно (право) ассоциируется в общественном сознании (изображение

⁵ См.: URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 14.09.2025).

Фемиды, судейская мантия, спецсигнал полицейского автомобиля, приговор суда, протокол об административном правонарушении, свидетельство о браке, знак охраны авторского права). Правовой символ имеет более широкое значение — это отдельный элемент правовой системы, правовая идея, правовой принцип, конкретный правовой образ, любой символ в праве или государственный символ, некое культурно-ценностное образование (правовая культура или правовое воспитание). Важно лишь, чтобы этот символ имел правовое закрепление и социально значимое юридическое содержание.

Именно в последнем (культурно-ценностное образование) смысле можно говорить о взаимодействии правовых символов с традиционными российскими духовно-нравственными ценностями.

Н.А. Колоколов, д-р юрид. наук, проф. (г. Москва), критически проанализировал как систему, так и антисистему символов в судебном праве. Констатируется, что важнейшим символом системы судебного права, как и его практической реализации в рамках судебной деятельности в целом, является межотраслевая категория справедливость (*justitia*), равно ее ипостась равенство (*aequum*) — общечеловеческие понятия о некоем должном, что предполагает самое строгое соответствие деяния и воздаяния. К социально значимым символам судебного права принято относить и право суда на установление истины (*veritas*). В то же время в рамках антисистемы судебного права перечисленные выше базовые категории зачастую ниспровергаются результатами антропологического их исследования. Вдруг обнаруживается, что справедливость — категория в первую очередь историческая, процессуальное равенство — утопия, а обязанность суда установить истину подменяется весьма спорным принципом свободы договора тяжущихся сторон (*pacta sunt servanda*).

М.В. Складенко, советник Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ (г. Москва), раскрывая проблему символов, свойственных системе обжалования, проверки и пересмотра судебных решений в уголовном судопроизводстве России, констатирует, что важнейшим элементом судебной деятельности в целом является вера подавляющего большинства участников процесса в способность вышестоящих судебных инстанций восстановить социальную справедливость. Доказывается, что анализируемая система имеет открытый характер, в силу чего результативность ее деятельности во многом зависит от среды, в которую она погружена. Общая эффективность исследуемой системы, помимо прочего, в значительной мере предопределена, во-первых, параметрами функционирующей в конкретный исторический

момент архитектурой судебной системы, во-вторых, личностными характеристиками вовлеченных в рассмотрение дела субъектов процесса.

Г.М. Лановая, д-р юрид. наук, проф. (г. Москва), посвятила свое выступление рассмотрению тех смыслов и идей, которые несут в себе символы правосудия в современной российской культуре. Принципиально важным является то, что названные символы значимы не только для такой специализированной культуры, как юридическая, но и для культуры обыденной, профанной. Рассматривая символы правосудия через призму того контекста, в котором они используются, можно обнаружить, что ни в юридической, ни в обыденной культуре они не выражают непосредственно того, что составляет природу правосудия. Более того, многие символы, маркируемые в научной литературе в качестве символов правосудия, часто используются для репрезентации образов, связанных с правосудием лишь косвенным образом. Между юридической и обыденной культурой существуют значимые различия с точки зрения того, какие именно образы помимо образа правосудия воспроизводятся при помощи рассматриваемых символов. Примечательно также то, что в юридической культуре коннотация символов правосудия всегда остается положительной вне зависимости от того, как именно они изображаются, в обыденной культуре символы правосудия могут приобретать нейтральную или негативную коннотацию, что находит отражение в особенностях их визуального представления.

П.А. Гук, д-р юрид. наук, доц. (г. Пенза), отметил, что общетеоретический аспект символа в полной мере относится к судебной власти, ее системе органов, деятельности, закрепляется, используется субъектами данной власти — судьями в судебной деятельности, поскольку судебная власть является одной из ветвей государственной власти, а судьи и судьи олицетворяют судебную власть, имеют государственную символику.

Совокупность символов судебной власти образуют ее символику, основные идеи судебной власти, принципы, понятия правосудия, судостроительства, судопроизводства, судебной практики, судебных правовых позиций, которые как символы реализуются судьей в осуществлении судебной деятельности.

М.В. Савельева, канд. юрид. наук, доц. (г. Санкт-Петербург), обратилась к судебной практике и выявила диалектическую связь между правовым символом (нормой) и социальной реальностью, в которой интерпретатор (судья) выступает ни как «уста закона», а как посредник. Правовой символ при этом обладает производной и социально обусловленной властью, которая

актуализируется и формируется только через интерпретацию в конкретном социальном контексте.

В.С. Манохин, канд. юрид. наук (г. Владимир), затронул вопрос символизма права в контексте достижения социального равновесия, особо отметив, что уровень доверия людей к судебной и правоохранительной системам (в том числе и исполнение их решений) зависит не только от аппарата принуждения, но и от существующего равновесия, выражающегося в признании легитимности полномочий данных органов.

А.А. Васяев, д-р юрид. наук, доц. (г. Москва), рассмотрел феномен правозащитника как символа и в институциональном (юридическом) значении, и в культурном измерении. Проведенное исследование опирается на правовую антропологию, доктрину прав человека и концепцию символического капитала П. Бурдьё, что позволяет осмыслить статус и роль правозащитника как синтез морали, мифа и правовой нормы. Правозащитник предстает носителем двойственной природы: с одной стороны, он является субъектом права со специальным статусом, а с другой – символической фигурой общественной морали и дискурса. Значимыми в этой связи представляются такие явления, как «мемориализация», преследование и «канонизация» правозащитников. Правозащитник обладает значительной символической силой, способной влиять на правовое сознание и практику, однако эта сила зависит от социального признания и может быть как легитимирована, так и оспорена различными акторами.

С.Б. Поляков, адвокат, д-р юрид. наук (г. Пермь), назвал причины восприятия обществом суда не так, как он представляется идеальными символами (знаками) судебной власти. Он привел примеры судебного правотворчества, создающего при конкретизации норм права с оценочными моральными понятиями правила поведения без этических оснований. В итоге судебной властью творятся нравы, противоречащие закону и этике. В ответ общество обозначает суд нелицеприятными символами-образами, опровергающими официальные и идеальные символы судебной власти. Переменчивое до противоположности восприятие обществом символов говорит о ненадежности их в качестве регуляторов отношений, т.е. в пользу мысли проф. В.М. Баранова о том, что следует говорить не о юридических символах, а о юридически значимых символах.

М.В. Баранова, д-р юрид. наук, проф. (г. Нижний Новгород), представила свое видение специфики сущности, ценности и результативности функционирования символических юридически значимых элементов на примере рекламного законодательства. Заострила внимание на том, что

в целом символы, ставшие неотъемлемой частью современного законодательства, представляют собой знаковую систему, позволяющую фиксировать элементы права, значимые для права. В этой связи актуализируется вопрос о соотношении символической системы и языка права. Эти знаковые системы можно анализировать как дифференцированные или, напротив, предположить выход языка права за пределы обычного языка, обогащенного юридической составляющей через включение нетипичных знаковых элементов – символов. Специфика рекламного законодательства дает широкий спектр возможностей для исследования таких элементов, нашедших как буквальное («текстуальное»), так и смысловое закрепление в текстах нормативных правовых актов. Юридически значимые рекламные символы («реклама», «на правах рекламы», дисклеймер, предупредительные надписи фиксированной формы и содержания), символы, используемые в качестве средств выразительности (товарные знаки, элементы брендинга или фирменного стиля, результаты интеллектуальной деятельности), неоднородны, обладают уникальной транскультурностью, позволяют строить многоуровневую правовую коммуникацию, объединяющую субъектов рекламной деятельности (рекламодателя, рекламопроизводителя, рекламораспространителя, потребителя рекламы, потребителя объекта рекламирования, систему государственного контроля, систему саморегулирования).

Р.Б. Головкин, д-р юрид. наук, проф. (г. Владимир), посвятил свое выступление реновации юридически значимых символов, отметив, что они являются эффективным средством коммуникации в различных типах общественных отношений от момента возникновения человечества и до сего дня, в том числе и в сфере правоотношений.

Изначально символы служили для идентификации «свой-чужой», для передачи информации и общения, обозначая целостные образы действительности. С развитием информационных технологий субъекты общественных отношений стали меньше использовать текстовую информацию (стали меньше читать), и использование графических символов в социальном общении получило реновационный импульс. Здесь можно отметить: буквы (как правило, латиница), пиктограммы (знаки, отображающие важнейшие узнаваемые черты объекта в реальном физическом и ирреальном киберпространстве, например изображение вилки и ножа на дорожных знаках), эмодзи (смайлики), стикеры (физические и цифровые наклейки).

Анализ использования графических символов-эмодзи, имеющих юридическое значение, позволил определить их как выраженный графически информационный образ (конструкт), характеризую-

щий волеизъявление субъектов правоотношений. Данные символы можно разделить как минимум на две группы. Первая группа: правомерные графические символы-эмодзи (либо правонейтральные) — это эмодзи, используемые для идентификации воли субъектов договорных правоотношений. Вторая группа рассматриваемых символов — это эмодзи, имеющие противоправное значение (средство передачи противоправной информации, противоправная символика, обозначающая принадлежность к преступным сообществам, преступные угрозы и призывы).

Несмотря на широкое использование эмодзи в интернет-общении, их нельзя рассматривать как собственно цифровые: во-первых, данные символы могут объективироваться вне киберпространства; во-вторых, данные символы — это физически существующие оцифрованные графические явления. В качестве собственно цифровых символов предлагается рассматривать созданные в киберпространстве коды, программы, а также машиночитаемые графические явления, например такие как штрих-коды, QR-коды.

П. В. Васильев, канд. юрид. наук, доц. (г. Ульяновск), представил специфику соотношения человекочитаемых и машиночитаемых правовых символов. Человекочитаемые правовые символы — это предназначенные для восприятия человеком целостные образы, обладающие относительной пространственно-временной и функциональной юридической обособленностью в системе других средств правового регулирования, условно отражающие правовые ценности, охраноспособные, предусмотренные или санкционированные действующим законодательством в качестве правового средства. Машиночитаемые правовые символы представляют собой предназначенные для считывания компьютеризированными системами целостные образы или команды (системы команд), обладающие относительной пространственно-временной и функциональной юридической обособленностью в системе других средств правового регулирования, условно отражающие правовые ценности, охраноспособные, предусмотренные или санкционированные действующим законодательством в качестве правового средства. Сделан вывод о том, что объем понятия «человекочитаемый правовой символ» подлежит полному включению в объем понятия «машиночитаемый правовой символ», т.е. каждый человекочитаемый правовой символ может стать также и машиночитаемым, если компьютеризированную систему запрограммировать для осуществления данной функции.

Е. О. Чинарян, канд. юрид. наук, доц. (г. Москва), и Е. А. Чинарян (г. Москва) развили проблематику правовых символов и цифровых маркеров доверия,

обратив внимание на то, что в современных условиях правовые символы не исчезают, а эволюционируют в интерфейсы.

М. Г. Смирнова, д-р юрид. наук, проф. (г. Санкт-Петербург), указала, что социальные притязания воплощаются в различных символах, которые могут иметь как правовой, нейтральный характер, так и вовсе противоречить праву. Социальные притязания могут воплощаться в юридически значимых символах, выступающих в качестве юридического факта. Например, в Канаде суд провинции Саскачеван постановил, что эмодзи «большой палец вверх» является законным заверением контракта. В России также есть примеры, когда суды признали данный эмодзи согласованием условий договора. В целом, отметила М. Г. Смирнова, эмодзи — это полисемантические (многозначные) символы, и толкование коммуникаций с их использованием во многом зависит от социального контекста.

Социальные притязания могут воплощаться и в символах, которые противоречат праву. Российским законодательством установлен запрет на использование запрещенной символики, а также предусмотрена ответственность за ее пропаганду и демонстрацию. Реестр запрещенных материалов ведет Минюст России. По состоянию на 30 июля 2025 г. список содержал 5475 пунктов.

В. В. Трофимов, д-р юрид. наук (г. Тамбов), обратился к теме «Правовое сотворчество публичной власти и гражданского общества как символ современной демократической правовой республики: опыт научного обоснования»⁶. «Правовое сотворчество» публичной власти и гражданского общества (еще одно новое и оригинальное понятие теоретико-правовой науки) есть символ правовой республики и наиболее яркий пример подобного синтеза и, пожалуй, самый востребованный и насущный формат его достижения за счет создания и воспроизводства права (правовой реальности) в государстве на основе сотрудничества и сопричастности к «общему делу» официальной публичной власти и гражданского общества.

М. Л. Давыдова, д-р юрид. наук, проф. (г. Волгоград), посвятила свой доклад двум внешне похожим, но различным по своей природе процессам, характерным для современного права: визуализации и символизации. Визуальное при этом представлено в двух вариантах: собственно визуальное — построенное на образах, воздействующих на чувства и эмоции, и визуально-рациональное — использующее наглядность для представления логиковербальной информации (инфографика). Символизация в отличие от визуализации затрагивает

⁶ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00271, <https://rscf.ru/project/24-28-00271/>

не форму, а содержание правовой информации, представляя некоторые понятия или явления как «сверхважные». Символизация в праве может проявляться через: (1) появление собственно правовых символов, (2) распространение средств правовой защиты на символы неправовые, но признанные значимыми (например, религиозные), (3) увеличение количества запрещенных символов. При этом избыточное увлечение права символами опасно размыванием собственно юридического его содержания и может негативно сказаться на регулятивных свойствах права.

О.В. Костюнина, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск), осветила вопрос доверия к символам в праве в культуре новой цифровой реальности. Символы как конструкты реальности основываются на доверии человека к созданным и переносимым в них смыслам. Следовательно, если эти смыслы имеют юридически значимый характер, то они встраиваются в право, в его регулятивное действие и систему правовых отношений.

О.Е. Зацепина, канд. юрид. наук (г. Барнаул), заострила внимание на специфике функций правовых символов, констатируя, что символы выражают правовые предписания, обозначают охраняемые законом ценности (материальные и нематериальные), удостоверяют юридическую силу документов, а также их принадлежность к определенному государству или его части. Кроме того, они способствуют законодательной и лингвистической экономии, отображая правовое веление в лаконичной форме.

И.В. Погодина, канд. юрид. наук, доц. (г. Владимир), сделала вывод о наличии у символов такой функции, как навигация и ориентация в пространстве. В прямом и переносном смысле направляя людей, правовые символы повышают эффективность взаимодействия государства и граждан, а также развивают правовую грамотность, участвуют в укреплении дисциплины в обществе.

В.В. Аврамцев, канд. психол. наук (г. Нижний Новгород), и **И.А. Коннов, канд. полит. наук (г. Нижний Новгород)**, рассмотрели традиционные российские духовно-нравственные ценности в качестве правовых символов, предложили их анализ по определенной схеме, включающей: общее определение ценности (краткая дефиниция), правовые основы ценностей (в каких нормативных правовых актах упоминаются), степень противодействия деструктивной идеологии (каким деструктивным неолиберальным идеологическим идеям и установкам противостоит каждая из ценностей).

Е.Н. Тонков, канд. юрид. наук, доц. (г. Санкт-Петербург), обратил внимание на необходимость дифференцировать интерпретацию символов в различных типах правопонимания: позитивизме, юснатурализме и социологических подходах.

Используемые сторонниками естественного права символы могут не получить признания в практиках эксклюзивного позитивизма, что с неизбежностью проявится в механизмах защиты символических прескрипций. Каждому типу правопонимания имманентен собственный язык символизации норм и ценностей. Правовые символы составляют небольшую, но значимую часть нормативной системы человека, на них распространяются известные признаки права, в том числе формальная определенность, системность, обеспеченность принудительным исполнением, многократность использования.

А.В. Червяковский, канд. юрид. наук, доц. (г. Омск), указал, что предложения о подготовке и принятии закона о нормативных правовых актах следует рассматривать как символ во многом неудачного взаимодействия юридической науки и законодательной практики. Несмотря на все попытки юридической науки обратить внимание законодателя на необходимость принятия закона о нормативных правовых актах, в России такой федеральный закон тем не менее так и не принят.

Вопрос влияния правового символа на стоимость правового регулирования заинтересовал **Д.В. Орлова, канд. юрид. наук, доц. (г. Нижний Новгород)**. Он обратил внимание на зависимость объема и характера издержек правового регулирования от закрепления и использования правовых символов. Издержки могут носить как материальный, в виде средств и трудозатрат, так и нематериальный характер — репутационные издержки. В некоторых случаях издержки по реализации положений нормативных правовых актов, касающихся правовых символов, в значительной степени ложатся на субъектов правоотношений — физических или юридических лиц и зачастую не подлежат оценке. Выступающий отметил необходимость очень трепетного отношения к существующим символам и в связи с этим важность проведения последовательной политики в отношении их реформирования.

В.В. Шаханов, канд. юрид. наук, доц. (г. Владимир), отметил, что символичный метод следует воспринимать как этап достижения теорией правовых символов стадии «зрелости», когда она «сжимается в метод». Такая методология характерна для мета-теоретического уровня научного познания.

О.Д. Третьякова, д-р юрид. наук, доц. (г. Владимир), охарактеризовала неправовые символы, имеющие значение для формирования профессионального правосознания юриста. Среди символов студенческой жизни, влияющих на правосознание будущих юристов, особо можно выделить «КВН» (аббревиатура, обозначающая студенческое движение) и «Студенческая весна» (конкурс творческой

самодетельности). Одним из новейших направлений символизации является увековечивание истории известных юристов Владимирской земли. Создание музейных экспозиций в совокупности с проведением регулярных мероприятий создает символическую конструкцию исторической преемственности и становится частью позитивного опыта студентов. В целом позитивная символизация в организации образовательного процесса в юридическом вузе формирует высокий уровень правосознания и готовности к профессиональной деятельности, а также способствует повышению уровня удовлетворенности получаемым образованием, создает позитивный образ юридического образования.

Е.А. Петрова, канд. юрид. наук, доц. (г. Иваново), раскрыла проблемные вопросы использования символов в системе высшего юридического образования, отметив, что все символы можно разделить на две группы: предусмотренные нормативно (законодательно) и сложившиеся на уровне обычаев. К первым, в свою очередь, относятся такие, которым обучают будущих юристов (государственные символы, юридически значимые символы и т.п.), и такие, с помощью которых обучают (например, установленные ФГОС зал судебных заседаний, кабинет криминалистики). Указанная символика выполняет прежде всего функцию передачи соответствующих юридических знаний в наглядной (образной) форме. Символы же, сформировавшиеся в силу действия обычаев, традиций, играют преимущественно воспитательную роль и являются общими для разных направлений подготовки в высшей школе (звонки в начале и конце занятий, поднятие руки для ответа). Их вариативность во многом предопределяется спецификой сложившейся практики.

В рамках выступлений были затронуты историко-правовые аспекты символов.

И.М. Мацкевич, д-р юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ (г. Москва), отметил, что одним из наиболее известных исторических символов современной России является Знамя Победы. В год 80-летия Великой Победы над фашистской Германией (Великая Победа) об этом символе следует напомнить в очередной раз. Примечательно, что в течение долгого времени штурмовой флаг 150-й ордена Кутузова II степени Идрицкой стрелковой дивизии, водруженный 1 мая 1945 г. над зданием Рейхстага в городе Берлине, не имел никакого официального статуса и был историческим символом. Только в 2007 г. был принят Федеральный закон № 68-ФЗ «О Знамени Победы»⁷.

⁷ См.: СЗ РФ. 2007. № 20, ст. 2369.

При этом еще в 1995 г. был принят Федеральный закон № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов»⁸ (Закон о Победе), но только в 2022 г., т.е. спустя 17 лет, Федеральным законом № 579-ФЗ «О Георгиевской ленте и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁹ в него были внесены изменения, в результате чего ч. 2 ст. 1 Закона о Победе была дополнена закреплением правового статуса еще одного исторического символа – Георгиевской ленты.

Придание официальных статусов историческим символам важно не только для сохранения исторической памяти, но в еще большей степени важно для борьбы с возродившимися наиболее опасными радикальными нацистскими, фашистскими политическими партиями, а также другими радикальными организациями, деятельность которых направлена на разжигание ненависти и розни. Правовая охрана исторических символов Великой Победы поэтому должна обеспечиваться всеми доступными средствами в рамках закона, как в России, так и во всем мире.

В.Б. Романовская, д-р юрид. наук, проф. (г. Нижний Новгород), раскрыла историческую и функциональную роль символов в праве, начиная с древних обществ и до настоящего времени. В современном мире у значительной части общества остаются следы магического мышления, веры в приметы, символы, в силу клятв и ритуалов. Причины устойчивости древнейших феноменов заключаются в том, что с древних времен символы были универсальным средством передачи прав и обязанностей в обществах, даже без письменности. Магическая символика, заклинания и ритуалы использовались для юридического закрепления решений, утверждения законности и легитимности тех или иных действий и институтов. Ныне символы в праве по-прежнему выступают мощными культурными и психологическими инструментами, продолжающими влиять на юридическую практику и правосознание, формируя устойчивость и легитимность правовых институтов.

Е.А. Леонтенкова, канд. юрид. наук (г. Нижний Новгород), заметила, что обычное право, являющееся основной формой регуляции жизни в традиционных обществах, интегрируя моральные, религиозно-мифологические и собственно правовые идеи, не сводится лишь к набору правил, представляя собой сложную символическую систему, в которой правовые нормы кодируются и передаются через этнокультурные символы,

⁸ См.: СЗ РФ. 1995. № 21, ст. 1928.

⁹ См.: СЗ РФ. 2023. № 1 (ч. I), ст. 26.

выступающие «языком» обычного права, создавая условия понятности и очевидности смысла права, делая его ясным, легитимным и живым для коллектива. Этнокультурные символы были неотъемлемым «телом» обычного права, транслируя абстрактные правовые принципы в плоскость конкретных, эмоционально насыщенных и культурно узнаваемых образов, обеспечивая тем самым их эффективность и устойчивость в передаче из поколения в поколение.

Н.И. Биюшкина, д-р юрид. наук, проф. (г. Нижний Новгород), обратила внимание на этапы изменения гимнов Российского государства в контексте происходящих в стране политико-правовых преобразований. По мнению докладчика, гимн, представляющий собой один из символов государства, по своей сущности и содержанию выходит далеко за рамки формального представления государства во внутренней и внешней среде. Назначение гимна связано с глубинным осознанием причастности каждого к исторической судьбе и миссии своего государства. Н.И. Биюшкина подчеркнула динамичность, свойственную государственному гимну, его действенной природе, генерирующей многообразное поле политико-правовых, культурно-творческих и иных социальных отношений.

В.П. Пономарева, канд. пед. наук, доц. (г. Москва), анализируя правовые символы, отражающие определенную эпоху в контексте отечественной юриспруденции, отмечает дискуссионность понятия и признаков символа в праве. Наиболее часто в правоведении символ рассматривается как условная, но юридически значимая форма выражения фундаментальных правовых ценностей и идеалов, обладающая рядом типичных признаков, таких как закреплённость в праве, признание государством, интегрированность в правовую систему и использование в определенном процедурном порядке. В то же время в понимании правовой символики, ее параметров и направленности следует учитывать изменения содержания и формы символов как следствие проявления закономерных процессов в развитии государственно-правовых систем. Символы служат инструментом юридической техники, будучи эффективным средством правовой коммуникации и обеспечения культурно-исторической связи между поколениями.

А.А. Мохов, д-р юрид. наук, проф. (г. Москва), остановился на проблематике символизма и социалистического реализма в культуре Советского государства. Им были показаны позитивные результаты соцреализма как феномена, а также его недостатки. Он акцентировал внимание на наличии органических связей между культурой и идеологией, государственной политикой в сфере культуры, а также в иных областях, сферах деятельности.

Т.Е. Грязнова, д-р юрид. наук, проф. (г. Омск), констатировала, что вопросы символизма права интересовали как историков права (В.И. Сергеевич, А.Д. Градовский, Ф.И. Леонтович, С.А. Котляревский) и специалистов по сравнительному правоведению (П.С. Ефименко, М.М. Ковалевский) — в части содержания, видového различия и значения символов, так и теоретиков права (Г.Ф. Шершеневич, Л.И. Петражицкий, Н.М. Коркунов, Ф.Ф. Кокошкин) — в части выявления закономерностей развития права, классификации его источников и понимания в целом. По форме выражения исследователи различали символы образительные, словесные (письменные и устные), звуковые, идеологические и символы-действия. Функции символов права авторы усматривали в их регулятивном, информационном и идеологическом воздействии на общественные отношения. В целом под символами права юристы понимали общеобязательные и общеизвестные условные обозначения, фигурирующие в источниках права и являющиеся атрибутом существующего правопорядка.

Л.Ю. Варенцова, д-р ист. наук, доц. (г. Нижний Новгород), указала, что начиная с глубокой древности в культуре разных народов мира использовались символы. Символы имели место и в русской культуре эпохи позднего Средневековья — раннего Нового времени. Символы являлись неотъемлемой частью жизни и быта русских царей в XVII столетии. В эпоху правления «тишайшего государя» Алексея Михайловича Романова (1645–1676) символами его выездов и путешествий можно назвать «станы» и «слазки». «Станом» называлась станция и место отдыха государя на пути его следования. Последний из «станов» было принято называть «подходим». «Слазки» служили местами прогулок царского семейства во время путешествий.

О.В. Мацкевич, канд. юрид. наук, доц. (г. Москва), отметила, что деятельность специальных государственных органов направлена на установление государственных гарантий трудовых прав и свобод граждан, создание благоприятных условий труда, защиту прав и интересов работников и работодателей (ст. 1 ТК РФ). Один из таких государственных органов — Федеральная служба по труду и занятости (Роструд), геральдическим знаком которой является эмблема, представляющая собой двуглавого орла серебряного цвета с поднятыми крыльями, увенчанного двумя малыми и одной большой коронами также серебряного цвета, соединенными лентой того же цвета (в правой лапе орла — скипетр серебряного цвета, в левой лапе — держава серебряного цвета, на груди — треугольный геральдический щит черного цвета, на котором зубчатое кольцо серебряного цвета, поверх которого — два скрещенных молота

серебряного цвета). Геральдический знак с полным основанием можно считать символом Роструда, поскольку фабричные инспекторы Российской Империи носили примерно такие же знаки в виде полукруглого медальона, на котором был выгравирован двуглавый орел и в обязательном порядке – личный номер инспектора. Символ Роструда (геральдический знак) регламентирован приказом Минтруда России от 12 ноября 2012 г. № 521н¹⁰, символ фабричного инспектора связан с Наказом чинам фабричной инспекции от 11 июля 1894 г., который был утвержден Министром финансов Российской Империи С.Ю. Витте.

С.А. Торопкин, канд. юрид. наук, доц. (г. Нижний Новгород), подчеркнул, что к числу правовых символов относятся ордена. Орден – символ признания заслуг человека перед обществом и государством, имеет свой узнаваемый визуальный образ и влияет на правовой статус награжденного. Одним из прав, предоставляемых кавалерам орденов, является право на орденские пенсии. Исторически в России существовали различные модели пенсионного обеспечения кавалеров орденов. В современной России существует дифференцированный подход: Герои Российской Федерации получают ежемесячную денежную выплату (аналог орденской пенсии) с момента присвоения звания и вне зависимости от каких-либо ограничений. Кавалеры отдельных орденов получают доплату к страховой пенсии, своего рода «отсроченную» орденскую пенсию. Такой способ пенсионного обеспечения награжденных видится как компромисс между финансовыми возможностями государства и задачей сохранения особых правоотношений с награжденными.

С.О. Волк-Леонович, канд. юрид. наук (г. Нижний Новгород), уделил внимание архаическому праву, отметив его неразрывную взаимосвязь с символическим мышлением. Символические практики в архаическом праве выполняли ключевую социальную функцию сакрализации власти и легитимации ее функций. Это укрепляло авторитет власти в архаическом обществе и обеспечивало добровольное подчинение его решениям. Тем самым символизм служил мощным инструментом социального контроля, обеспечивая стабильность и предсказуемость в обществе, еще не выработавшем развитых систем писаного права и государственного принуждения.

Конституционные основы символов послужили базовым объектом осмысления для ряда правоведов.

¹⁰ См.: приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 12.11.2012 № 521н «Об учреждении геральдического знака – эмблемы и флага Федеральной службы по труду и занятости» // БНА. 2013. № 7 (без Приложений 3, 5).

В.А. Сивицкий, канд. юрид. наук (г. Санкт-Петербург), отметил, что проблематика символов неоднократно ставилась заявителями перед Конституционным Судом РФ в разных аспектах. Так, некоторые заявители оспаривали конституционность законов об официальных государственных символах (гербе, гимне, флаге) Российской Федерации и некоторых ее субъектов. Конституционный Суд РФ, отказывая в принятии этих жалоб к рассмотрению, исходил из того, что соответствующие законы, предусматривая описание и порядок официального использования этих символов, не являются и не могут являться основанием для ограничения каких-либо конституционных прав и свобод.

Так же было отказано в принятии к рассмотрению жалоб, в которых заявители, привлеченные к административной ответственности по ст. 17.10 КоАП РФ за использование государственного герба Российской Федерации на своих обращениях в различные государственные органы, настаивали на неконституционности запрета такого использования герба. Были попытки оспорить положения процессуального законодательства, как не предусматривающие отмену судебного решения, вынесенного судьей без мантии как символа судебной власти. Встречались в практике и жалобы о неконституционности положений о различных кодах (в том числе в паспорте, в ИНН), как допускающих якобы антирелигиозные символы.

Но наиболее частыми из относящихся к вопросам о символах были жалобы на положения различных законов, устанавливающие запрет экстремистской и нацистской символики и ответственность за его нарушение. Вопрос об их неконституционности ставился заявителями в различных аспектах. Конституционный Суд РФ в своих определениях подтвердил конституционность соответствующих законоположений.

Н.А. Власенко, д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ (г. Москва), обратил внимание на то, что символы – явление сложное, междисциплинарное; предмет дискуссии в философии, лингвистике, психологии и других социальных науках, о чем свидетельствует огромное количество научной литературы. Многие исследователи считают, что дать универсальное определение символу невозможно. Для правоведения весьма важен лингвистический аспект исследования символики. Некоторые лингвисты в связи с изучением символов оперируют понятиями «означающий» и «означаемый». Речь идет о том, кто привносит в мир символ, что в него вкладывается и что это порождает на практике, в жизни, тем более символ часто метафоричен. Очень важно и то, что символы кроме прямого смысла имеют и смыслы вторичные, косвенные, иносказательные. Здесь требуется учитывать,

что символ — это мысль, идея, идеология, нередко политика и действие власти, государственных органов. Выступающий поставил вопрос об *анти-символах* в праве, в правовой реальности, которые не являются ни правовой ценностью, ни социальной. Обращаясь к ст. 131 Конституции СССР 1936 г., ст. 5 Конституции СССР 1977 г., Н.А. Власенко акцентирует внимание, казалось бы, на безобидной метафоре — «ядро политической системы», заключает, что на самом деле этот метафорический символ обеспечивал безраздельное господство в политической, экономической, социальной сферах КПСС. По существу, это был жизненный принцип руководства огромной страной.

Как видно, многие скрытые символы в текстах нормативных правовых актах, по существу, являются антисимволами или символами, не имеющими правовой и социальной ценностей.

Т.Д. Зражевская, д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ (г. Воронеж), посвятила доклад раскрытию содержания конституционной символики, отражающей сущность различных этапов российской государственности. Сравнительный анализ конституций зарубежных стран показывает, что в конституционных нормах раскрывается разнообразный спектр государственной символики в зависимости от признания фундаментальных национальных ценностей, национальной идентичности, национальных идеологем. Предложен вариант подразделения конституционной символики на пять групп. Первая — закрепление государственных символов: герба, гимна, флага, столицы; в некоторых странах — государственной печати. Однако в действующей Конституции РФ данные символы закреплены только посредством бланкетной нормы (ст. 70). Вторая группа — конституционные идеологемы, позволяющие формировать траектории развития общества и государства, мировоззренческие ценности с целью укрепления правосознания и единства гражданского общества (ст. 67.1 Конституции РФ). Третья группа связана с символическими действиями высших органов публичной власти и должностных лиц: содержание и порядок принесения присяги (например, Президента РФ — ст. 82). Четвертая группа в большей степени имеет место в конституциях зарубежных стран — закрепление национальных памятных дат, государственных праздников. К пятой группе можно отнести особые, характерные только для государства символы, позволяющие идентифицировать данную нацию¹¹.

¹¹ Например, в ст. 6 Конституции Боливии наряду с традиционными закреплены «кокарда, цветок кантуа и цветок геликонии», которые широко используются в торжественных церемониях.

На основе анализа сделан вывод о необходимости расширения конституционно-правового регулирования государственной символики.

В.М. Шафиров, д-р юрид. наук, проф., заслуженный работник высшей школы РФ (г. Нижний Новгород), акцентировал внимание на том, что образ-символ — это наглядное (с определенной степенью предметной конкретности) выражение идеи права. Издревле стало традицией идеалистически отождествлять образ права со справедливостью. В реальности под воздействием типов понимания права выстраиваются разные символы-образы права. Доминирует здесь юридический позитивизм, под влиянием которого сложился образ права как только должного, формального, ограничивающего свободу, допускающего приоритет законности перед справедливостью, обеспеченного принуждением явления. Это исказило природу, содержание и миссию права в обществе.

Выход из этой ситуации дает Конституция РФ, где закреплено не только новое интегративное (естественно-позитивное) понимание права, но и его новый образ. Право предстает как гуманное (человеко-ориентированное), выражающее свободу и справедливость, разумное, ориентированное на внутреннее и внешнее поведение, равнозначное морали, обеспеченное государством и обществом социальное явление.

Цивилистический «слой» символов в праве также стал предметом для анализа участников форума.

А.М. Хужин, д-р юрид. наук, доц. (г. Нижний Новгород), и **М.В. Карпычев, канд. юрид. наук, доц. (г. Нижний Новгород)**, сфокусировали внимание на использовании символов охраны в праве интеллектуальной собственности. Было отмечено, что символы охраны права интеллектуальной собственности используются не только для традиционных объектов в сфере авторского и патентного права, но и в сферах охраны нетрадиционных объектов (прав на селекционное достижение, топологии интегральных микросхем, прав на секрет производства). Были также проанализированы проблемы использования символов охраны прав на средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий.

И.В. Першина, канд. юрид. наук, доц. (г. Нижний Новгород), отметила, что отсутствие в современном частном праве общих положений о праве некоммерческой организации на собственное наименование и символы как средства индивидуализации участников гражданского оборота не позволяет должным образом организовать защиту данных нематериальных благ от искажения и несанкционированного использования иными лицами, добиваться восстановления положения и компенсации ущерба, причиненного деловой репутации. В этой

связи актуальной представляется разработка логически обоснованного и непротиворечивого с позиций традиционной системы объектов гражданских прав понимания правовой сущности символов некоммерческих организаций: как нематериальных благ либо как объектов интеллектуальных прав.

Административно-правовые вопросы символов также попали в орбиту научного интереса участников конференции.

С.А. Боголюбов, д-р юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ (г. Москва), показал двуединое значение символов в экологическом праве: 1) применительно к самой отрасли, состоящей из природоресурсного права и природоохранного права, т.е. символические знаки, цепочки в самом экологическом праве; 2) использование символов-знаков как представителей, носителей признаков, характеристик, институтов экологического права, отражающих объекты и иные категории правовой охраны окружающей среды, участвующих в других явлениях государственно-правовой, обыденной жизни.

Знаки сами по себе служат условными средствами узнавания, преемственности природоохранных нормативных предписаний, их более сжатыми своеобразными заменителями; нарастание глобальных вызовов, угроз, деградация окружающей среды, усложнение экологических общественных отношений, разнообразие применения и состава механизмов публичного управления природопользованием, вовлечение в него все большего числа физических и юридических лиц, распространение больших данных содействуют определенному упрощению, стандартизации способов правового регулирования в сфере охраны окружающей среды посредством усиления его символизации, знаковых форм изложения правовой информации.

Е.А. Нестеров, канд. юрид. наук (г. Москва), обозначил проблематику символов как средств обеспечения контрольно-надзорной деятельности на транспорте. В ходе выступления была продемонстрирована смысловая и содержательная палитра интерпретации символов в контрольно-надзорной деятельности публичных органов власти: условные знаки; аллегорические и метафорические смыслы; условные обозначения какого-либо действия субъекта контрольно-надзорной деятельности на транспорте, не только закрепленного на формально-юридическом уровне, но и общепринятого в бытовом значении; наконец, самостоятельный вербальный (графический) либо иной знак, передающий информацию о желаемой модели правового поведения. Подчеркнуто, что в качестве символа, концептуальной идеи построения эффективной контрольно-надзорной деятельности на транспорте должно стать усиление социальной ответственности участников данных отношений.

А.Г. Репьев, д-р юрид. наук, доц. (г. Москва), отметил, что именно в транспортном законодательстве правовой символ выступает магистральным способом передачи воли законодателя и технико-юридическим средством ее формально-юридического закрепления ввиду способности влиять на все органы чувств человека и тем самым задействовать по возможности максимально широкий перечень каналов восприятия информации; преодоления языковых барьеров; универсальности символов как сигнализаторов правильного реагирования в чрезвычайных, внештатных ситуациях. Резюмировано, что правовые символы, исполняемые в транспортном законодательстве, вполне уместно рассматривать не только как технико-юридические средства, но и в качестве социально-правового феномена с куда более широким функционалом, охватывающим общекультурологические, нравственно-этические, психологические аспекты правового регулирования.

П.В. Ремизов, канд. юрид. наук, доц. (г. Нижний Новгород), представил к обсуждению проблемы административно-правовых средств охраны государственных символов. Рассматривая нормы об административной ответственности за совершение правонарушений, предусмотренных ст. 17.10–17.12 КоАП РФ, а также отдельные положения законодательства субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях, он пришел к выводу о недостаточной оценке степени общественной опасности (вредности) данных правонарушений.

Не осталась без внимания уголовно-правовая и криминологическая проблематика символизации права.

Г.В. Назаренко, д-р юрид. наук, проф. (г. Москва), посвятил выступление анализу таких визуальных элементов оформления законодательного текста, как нумерация разделов, глав, статей, литерация более мелких частей, знаки препинания, абзацы, интервалы. Несмотря на отсутствие у этих символов самостоятельной юридической силы, они играют значительную роль в организации законодательного текста и тем самым являются неотъемлемой частью законодательной техники и соответствуют международным стандартам.

К.А. Плясов, д-р юрид. наук, доц. (г. Нижний Новгород), в своем докладе раскрыл основные признаки проявления символизма в криминалистике, выразившиеся в ее объекте, предмете, системе, терминах, категориях, а также в структуре и содержании частных криминалистических теорий и учений. Особенность символизма в криминалистике заключается в том, что символы можно и нужно искать не только в материальном мире в виде образа отдельных следов (рук, ног, транспортных

средств) и инструментария, необходимого для работы с ними (увеличительных и осветительных приборов и приспособлений), но и в самих продуктах криминалистического научного творчества. Начиная с обширного разнообразия криминалистической техники и заканчивая криминалистическими рекомендациями – все это символизирует криминалистическое начало. Отмечается, что сама криминалистика выступает символом деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, а известные ученые-криминалисты и научные школы – преемственности поколений в борьбе с преступностью. Делается вывод о том, что уровень развития криминалистического знания может служить олицетворением эффективности всей правоохранительной системы.

А.П. Кузнецов, д-р юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ (г. Нижний Новгород), рассмотрел вопрос об эволюции регламентации уголовной ответственности за посягательство на официально используемую в России геральдику. Отметил, что в первых кодифицированных Уголовных кодексах РСФСР 1922 и 1926 гг. законодатель предусмотрел ответственность за посягательства на государственную символику, включая «оскорбительное проявление неуважения к РСФСР, выразившееся в надругательстве над Государственным гербом, флагом, памятником революции».

В принятом Уголовном кодексе РФ 1996 г. в гл. 32 «Преступления против порядка управления» (ст. 329) установлена ответственность за надругательство над Государственным гербом Российской Федерации и Государственным флагом Российской Федерации. Последние в соответствии с Федеральными конституционными законами от 25 декабря 2002 г. провозглашаются государственными символами: любые формы надругательства свидетельствуют о пренебрежительном и неуважительном отношении к официально принятой в России символике, признаются общественно опасными, аморальными, оскорбительными, издевательскими, унижительными, кощунственными, влекущими причинение серьезного вреда авторитету государственной власти и достоинству Российской Федерации. Данное законодательное решение отражает историю прошлого, традиции его народов, направленные на охрану государственной символики настоящим уголовным законом.

М.А. Грачев, д-р юрид. наук, проф. (г. Нижний Новгород), проанализировал криминальные символы переходных эпох России, предложил их классификацию. Именно в переходные периоды истории русского государства активизируется деятельность криминального элемента: увеличивается количество преступлений, причем как мелких, так

и крупных, правоохранительные органы в силу либерализации законов не всегда могут воздействовать на уголовный мир в должной степени; у ответственности появляются противоречия во мнениях по отношению к преступному сообществу. Особое внимание было обращено на толерантность некоторой части населения к использованию символов уголовного мира. Автор уделил большое внимание адаптации криминальных символов в законопослушном обществе.

Т.Г. Погодина, д-р юрид. наук, проф. (г. Нижний Новгород), и Е.Е. Черных, канд. юрид. наук, доц. (г. Нижний Новгород), в своем докладе сфокусировали внимание на юридико-медицинской символике, рассматривая эволюцию символов, их толкование и значение для определенных исторических периодов. Обсуждались дефиниция, функции и предложенные классификации медицинских символов и эмблем. Показано, что первоначально они были более предметными (животные, птицы, предметы, явления природы), конкретными, выполняя преимущественно информационные и идентификационные функции, а затем усложнились, стали более знаково-графическими (маркировки на медицинских изделиях), абстрактными, но при этом возросло их правовое, в том числе и уголовно-правовое, значение; сформировалась регулятивная функция, что нашло отражение в современных законодательных актах.

Указано, что в исторической ретроспективе насчитывается более 50 различных медицинских символов, которые могут быть разделены на частные и общие. Отмечено, что в современных условиях наиболее узнаваемой, имеющей уголовно-правовое значение, является эмблема Красный Крест и Красный Полумесяц – утвержденный символ Международного общества Красного Креста. За ее использование в вероломных целях может наступить уголовное наказание (ст. 356 УК РФ). Докладчики подчеркнули особую роль этого символа в современных условиях, нашедшую отражение во внесенном в Государственную Думу в 2025 г. законопроекте, определяющем правовой статус общества Российского Красного Креста.

К.К. Панько, д-р юрид. наук, доц. (г. Воронеж), затронул уголовно-правовой аспект такого «явления юридического быта», как правовые символы, обозначил имеющиеся в уголовно-правовой науке подходы к их пониманию, место символов в уголовном праве, особое внимание было уделено законодательной графике как особой разновидностью правовых символов. Докладчик проанализировал существующие как общетеоретические, так и уголовно-правовые классификации правовых символов, выделил необходимые для уголовного

права классификационные критерии разграничения и отнесения символов к элементам состава преступления — предмету, месту, средству (орудию) преступления, разделения символов на разрешенные и запрещенные, а также государственные и частные.

С.Ю. Журавлев, д-р юрид. наук, доц. (г. Нижний Новгород), предложил авторский перечень ключевых антагонистических символов и смыслов в жизни людей, обозначил рамки возникновения потребности в криминалистическом (правовом) знании, выделил особенности символов и смыслов с позиции криминалистической культуры правоприменения и правотворчества.

А.А. Тарасов, д-р юрид. наук, проф. (г. Уфа), и **А.Р. Шарипова, д-р юрид. наук, доц. (г. Уфа)**, констатировали, что в формировании современного российского уголовного правосудия наибольшую роль сыграли три глобальные судебные реформы: 1) Великая судебная реформа Императора Александра II 1864 г. (условно — императорская); 2) Революционный слом буржуазной судебной системы и становление советского социалистического правосудия (условно — советская судебная реформа); 3) Постсоветская судебная реформа, начавшаяся с официального закрепления ее концептуальных основ в Концепции судебной реформы 1991 г. и не прекращающаяся по сей день.

Главным символом императорской судебной реформы был независимый суд, действовавший в условиях абсолютной монархии; главным символом советской судебной реформы был революционный слом буржуазной государственной машины; постсоветская судебная реформа началась с решительного отрицания всего советского и партийно-политического в правосудии, с ориентации на международные и некоторые зарубежные стандарты судебных процедур, а продолжается поиском национальной идентичности российского правосудия.

Реализация всех перечисленных судебных реформ неизменно показывала, что провозглашенные символы и реальные преобразования в судебной сфере далеко не всегда совпадают с их воплощением в законодательстве и в правоприменительной практике, да и сами символы нередко не выдерживают испытания временем.

М.В. Степанов, канд. юрид. наук, доц. (г. Нижний Новгород), и **А.В. Ламтева, канд. юрид. наук (г. Нижний Новгород)**, акцентировали внимание на символичности уголовного законодательства и уголовного судопроизводства в Российской Федерации.

Не осталась без рассмотрения международно-правовая составляющая правовой символики.

Н.С. Латыпова, канд. юрид. наук, доц. (г. Уфа), затронула вопросы отражения политического

положения США на оси «ядро — периферия» современной миротворческой системы в государственных символах — флаге, большой печати, а также колоколе и Статуе Свободы. Докладчик отметила закономерности формирования государственных символов молодого государства исходя из принадлежности большей части переселенческого общества англосаксонскому архетипу, воздействия идеи богоизбранности нации и влияния на ее развитие упоминаемого в символах «провидения». При этом Н.С. Латыпова подчеркнула особую роль в формировании государственного символизма, с одной стороны, единства, с другой — самостоятельности частей молодого государства — штатов, представлявших на первых этапах образования США союз независимых государственных образований, объединенных в военных целях. Перерастание военного союза в экономический, расширение территории и количества штатов, а также возрастающая роль движений за свободу афроамериканцев и женщин нашли, по мнению докладчика, отражение в последующем символизме XIX в.

Ю.Ю. Гарцева, канд. юрид. наук (г. Нижний Новгород), и **В.Н. Гонтарь, канд. пед. наук, доц. (г. Москва)**, уделили внимание защитным символам в международном гуманитарном праве, определяя их как визуальные знаки, предназначенные для идентификации и защиты лиц, объектов и транспорта, пользующихся особым статусом во время вооруженных конфликтов. Выделены ключевые защитные эмблемы: Красный Крест, Красный Полумесяц и Красный Кристалл, назначение которых заключается в защите медицинского и духовного персонала, госпиталей, санитарного транспорта, а также национальных обществ. Защитные знаки помогают комбатантам отличить гражданские объекты (больницы, убежища) от военных целей, снижая риск «слепых» ударов. При этом использование эмблемы активирует правовой режим защиты международного гуманитарного права. Любая атака на отмеченный объект является грубым нарушением Женевских конвенций.

Живой интерес и острые микродискуссии среди участников вызвали выступления профессоров **Б.Я. Гаврилова (г. Москва), В.В. Денисенко (г. Москва), М.С. Десятова (г. Омск), А.М. Каминского (г. Ижевск), А.И. Клименко (г. Москва), И.В. Колесник и В.В. Колесник (г. Ростов-на-Дону), М.А. Кожевиной (г. Омск), С.Э. Либановой (г. Екатеринбург), А.А. Малиновского (г. Москва), С.Ю. Суменкова (г. Пенза), В.В. Черникова (г. Москва)** и кандидатов юридических наук **И.А. Абдулханьянова (г. Нижний Новгород), О.Б. Купцовой (г. Нижний Новгород), О.В. Плюсниной (г. Кострома), С.В. Прасковой (г. Иркутск), А.К. Соболевой (г. Москва), И.В. Чечельницкого (г. Москва).**

* * *

Традиционная трибуна молодого ученого ознаменовала преемственность поколений исследователей, продемонстрировала стремление делающих первые шаги в юридическом научном познании студентов, курсантов, аспирантов принимать участие в дискуссиях, учиться у состоявшихся правоведов и видных представителей юридической практики.

Реализуя заявленный формат «клубной жизни», оргкомитет форума кроме торжественного ужина

Сведения об авторах

Владимир Михайлович Баранов – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист Нижегородской области, помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности, Нижний Новгород, Российская Федерация; президент Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника»;
e-mail: baranov_prof@bk.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2689-739X>

Наталья Викторовна Кроткова – кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права Российской академии наук; заместитель главного редактора журнала «Государство и право» РАН, Москва, Российская Федерация;
e-mail: krotkova2012@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2853-1287>

Марина Владимировна Баранова – доктор юридических наук, кандидат культурологии, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права, заместитель декана по научной работе юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация; вице-президент Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника»;
e-mail: gazxsw1232007@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-4739-2983>

Поступила в редакцию 21.10.2025
Принята к публикации 21.11.2025

с неординарными концертными номерами и тематической коктейльной вечеринки предложил участникам вариативную культурную программу: экскурсию «Горький: писатель, город, завод», поездки в Свято-Троицкий Серафимо-Дивеевский монастырь, музейный квартал Городца, посещение выставочного зала нижегородского парка на Стрелке, выставку гравюр на меди «Меццо-тинто: полутона и интонации».

Author information

Vladimir M. Baranov – Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Nizhny Novgorod Region, Assistant to the Head of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Innovative Development of Scientific Activity, Nizhny Novgorod, Russian Federation; President of the Nizhny Novgorod Research Scientific and Applied Center “Legal Technology”;
e-mail: baranov_prof@bk.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2689-739X>

Natalya V. Krotkova – PhD of Law, Leading Researcher, Sector of Constitutional Law and Constitutional Justice, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; Vice-Editor-in-Chief of journal “State and Law” of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation;
e-mail: krotkova2012@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2853-1287>

Marina V. Baranova – Doctor of Law, Candidate of Cultural Studies, Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Deputy Dean for Research at the Faculty of Law, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation; Vice-President of the Nizhny Novgorod Research Scientific and Applied Center “Legal Technology”;
e-mail: gazxsw1232007@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-4739-2983>

Received October 21, 2025
Accepted November 21, 2025